

ственный мир. Помимо этой, единственной законной власти, ибо она разумна и соответствует человеческой свободе, мы объявляем всякую другую власть лживой, произвольной, деспотической и гибельной.

Мы признаем абсолютный авторитет науки, но отвергаем непогрешимость и универсальность представителей науки. В нашей Церкви – да будет мне позволено на минуту употребить это выражение, которое, впрочем, я ненавижу – Церковь и Государство для меня два заклятых врага, – в нашей Церкви, как и в Церкви протестантской, имеется глава, невидимый Христос, – наука. И подобно протестантам, будучи более последовательными, чем протестанты, мы не хотим терпеть ни папы, ни собора, ни конклава непогрешимых кардиналов, ни епископов, ни даже священников. Наш Христос отличается от протестантского и христианского Христа тем, что этот последний – существо личное, наш же – безличен. Христианский Христос, предвечно законченный, представляется как существо совершенное, между тем как законченность и совершенство нашего Христа, науки, всегда в будущем; другими словами, они не осуществляются никогда. Признавая же абсолютную власть лишь за *абсолютной наукой*, мы, следовательно, никоим образом не связываем свою свободу.

Под этими словами «абсолютная наука» я понимаю науку действительно универсальную, которая идеально воспроизводила бы во всей ее полноте и со всеми ее бесконечными деталями вселенную, систему или согласование всех естественных законов, проявляющихся в непрерывном развитии миров. Очевидно, что такая наука, верховный предмет всех усилий человеческого ума, никогда не осуществится в своей абсолютной полноте. Наш Христос останется, следовательно, вечно незаконченным, что значительно должно побить спесь его патентованных представителей среди нас. Против этого Бога-сына, во имя которого они хотели бы навязать нам свой наглый и педантичный авторитет, мы будем апеллировать к Богу-отцу, который есть реальный мир, реальная жизнь, коей он есть лишь слишком нереальное выражение, а мы – реальные существа, живущие, работающие, борющиеся, любящие, надеющиеся, наслаждающиеся и страдающие, – непосредственные представители.

Но, отвергая абсолютный, универсальный и непогрешимый авторитет людей науки, мы охотно преклоняемся перед почтенным, но относительным и очень преходящим, очень ограниченным авторитетом представителей специальных наук; готовы советоваться с ними поочередно с каждым и весьма признательны за все ценные указания, которые они пожелают нам преподать при условии, что они сообразуются принять наши советы относительно того, в чем мы более сведущи, чем они. И вообще, мы очень хотели бы, чтобы люди, одаренные большими знаниями, большим опытом, большим умом, а главное – большим сердцем, оказывали на нас естественное и законное влияние, добровольно принимаемое, но никогда не навязываемое, во имя какого бы то ни было официального авторитета – небесного или земного. Мы признаем всякий естественный авторитет и всякое воздействие на нас факта, но не права; потому что всякий авторитет и всякое влияние права, официально навязываемое нам, сейчас же превращается в угнетение и ложь, и в силу этого неизбежно – как это уже достаточно, я полагаю, доказано мною – приводит нас к рабству и нелепостям.

Одним словом, мы отвергаем всякое привилегированное, патентованное, официальное и легальное, хотя бы и даже вытекающее из всеобщего избирательного права, законодательство, власть и воздействие, так как мы убеждены, что они всегда неизбежно обращаются лишь к выгоде господствующего и эксплуатирующего меньшинства в ущерб интересам огромного поработанного большинства.

Вот в каком смысле мы действительно анархисты.

* * *

Современные идеалисты понимают власть, авторитет совершенно своеобразно¹.

Хотя и свободные от традиционных предрассудков всех существующих позитивных религий, они тем не менее придают идее власти божественный, абсолютный смысл. Эта их власть отнюдь не есть авторитет чудесно раскрытой откровением истины и не авторитет строго и научно доказанной истины. Они основывают ее на небольшом количестве псевдофилософской аргументации и на громадной дозе смутно-религиозной веры идеально абстрактно-поэтического чувства. Их религия есть как

¹ По-французски слово «autorité» означает одновременно и «власть», и «авторитет», что позволяет Бакунину, возражая против власти, говорить и о власти в собственном смысле слова, в смысле господства непосредственного, и в смысле духовного преимущества, пользуясь в своей аргументации примерами то власти, то авторитета. По-русски неизбежно приходится в некоторых случаях употреблять одно, в некоторых же – другое слово. То же самое и со словом «influence», которое в одних случаях переводится словом «влияние», в других – словом «воздействие». – Прим. переводчика.